

Р В Ч Ъ,

говоренная Августа 31 дня 1802 года въ Собраніи Харьковскаго Ассамблеи Депутатомъ его, Коллежскимъ Секретаремъ В. Н. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ городѣ Харьковѣ Университета.

Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я Васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе. Она наполняетъ мое сердце. О, ежели бы я могъ излить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею.

Пріятно возвращеніе въ свою отчизну: и дымъ отечества сладокъ! — Если дикій Гренландецъ, не бывъ прельщенъ цвѣтущими полями Европы, ни великолѣпными ея зданіями, ни блескомъ роскоши, съ восторгомъ лобызаетъ замерзшій морской берегъ, который есть его отечество; ежели жестокость природы не могла его отвратить отъ климата, его воспитавшаго: то каково должно быть удовольствіе человека, возвратившагося подъ благотворный небосклонъ, который былъ свидѣтелемъ игръ и утѣхъ его дѣтства — изторгнувшагося изъ шума столицъ, коего мирное его сердце всегда ужасалось, въ страну, которую привыкъ онъ почитать Эдемомъ, обиталищемъ невинности и дружбы и покоя? — ... Таковы были мои чувствованія, Милостивые Государи! таковы бываютъ онъ каждый разъ, когда удастся мнѣ навѣщать благословенныя Небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены

онъ обстоятельствами нынѣшняго времени! Я имѣю счастье быть возвѣстителемъ воли благодѣтельныйшаго изъ Монарховъ. Мнѣ позволено сказать Его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ Ему; что онъ съ свойственною Ангельской душѣ Его милостію ожидаетъ исполненія нашихъ донесенныхъ Ему обѣтовъ Государству. Сіе чувство радости и надежды, уповавшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ, котораго вы меня удостоили въ первое собраніе, когда я представилъ вамъ предначертаніе того учрежденія, коимъ вы хотите украсить свою страну — отличить ее въ пространной Россіи. Позвольте, М. Г. изъяснить вамъ глубочайшую и совершенную Мою благодарность. Не увѣрю васъ, что умѣю ее чувствовать и цѣнить ваше благоволеніе. Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ. Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенностяхъ краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности; ибо чувствованія, признаться должно, ослабѣваютъ по мѣрѣ обширности предметовъ. По слабости человеческой природы ищутъ онѣ стѣснить кругъ, который обнять имъ должно. Сверхъ того, кто я, что бы смѣлъ мнѣ вообразить, будто дѣятельность моя когда либо можетъ имѣть примѣтное вліяніе на все обширное мое отечество? Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украинѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исповинской Россіи. Такъ, М. Г., я смѣю думать, что Губернія наша предназначена развить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщеніе.

Она можетъ быть для Россіи то, что древніе Аѳины для Греціи. Мѣстное положеніе дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ, плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній — сіе богатство, котораго по недостатку водяныхъ путей не можемъ дѣлить съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, — призываетъ къ намъ людей, которые наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкунать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Известны способности единоземцевъ нашихъ: — въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, удобенъ прельстить самыхъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода — науки и искусства водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспомянутъ священную для нихъ Грецію, которая начально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ; онѣ въ забвеніи восторга скажутъ: «Греція, отечество наше, намъ возвращена!» Я полагаю, М. Г., что отъ насъ Имперія будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ Слово Божіе и правахъ; что мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изыскателей воли царской; что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія, что отъ насъ изыдутъ Витин, Стихотворцы прославить добродѣтель и благословенное нынѣшнее Правленіе; что мы доставимъ воспита-

телей Россійскому юношеству; что мы умножимъ число Врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго даетъ надежду и отраду; что ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образоваться. Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украсить, распространить сей городъ и зависящіе отъ него — наполнить ихъ всеми утѣхами, собственными Просвѣщенному обществу; что богатства всѣхъ краевъ Россіи польются къ намъ рѣкою; что изобиліе и радость будутъ имѣть у насъ вѣрное приобъжище; что мы прославимся въ единоземцахъ, друзьяхъ, чадахъ нашихъ; что мы покажемъ собою примѣръ, который воспламенитъ къ подражанію; что благодарность, должная дань сердецъ нашихъ высокому нашему Благотворителю, воздвигнетъ памятникъ, несравненно тверже мрамора и мѣди — памятникъ свѣтозарный, на который всегда съ признательнымъ удивленіемъ будетъ взирать потомство. Благодарность, сіе чувство, предметъ моего слова, обязываетъ насъ къ засвидѣтельствуванію ея предъ лицомъ свѣта. И чѣмъ можемъ мы достойнѣе воздать оную Ангелу щедротъ и милостей, который нынѣ владѣетъ нами? Самъ онъ въ нѣкоторой части пожертвовалъ намъ возвращеніемъ правъ, которыя время начало уже заглаждать, — которыхъ паденіе въ пользу сокровищъ Его столько разъ было близко. И мы ли не вознаградимъ Его? Мы ли дадимъ поводъ всей Сѣверной Россіи возопить: «неблагодарные! скудны поля наши; «мразъ воспріящаетъ у насъ произрастить плодамъ Цереры; «въ потъ лица денноночно трудясь, приносимъ мы Госу- «дарству дань, отъ которой вы свободны, — и вы, кото- «рыхъ лелѣетъ Природа; вы, которымъ дать она всѣ

«средства превзойти насъ, — вы не хотите и сравняться съ нами; вы отрицаетесь воспользоваться счастливымъ вашимъ положеніемъ, драгоценнѣйшимъ взоромъ Монарха, обращеннымъ на васъ — вниманіемъ столицъ, кои, внявъ намѣренію вашему, ожидали событія!»

Простите, М. Г., дерзновеніе мое: самыя сіи мысли подкрѣпленныя убѣжденіями, занятыми отъ надежды, которую я имѣлъ на благородное наше общество, обнаружилъ я и предъ Августѣйшимъ Монархомъ. Исполнители Его человеколюбивыхъ и мудрыхъ велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украинну средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльныя Губерніи. Высокопочтенное Собраніе! неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моея питаль я о странѣ нашей? неужели найдете вину мою въ смѣломъ изъясненіи готовности благонамѣреннаго, всегда усердіемъ отличавшагося сословія, въ кругу котораго имѣю честь говорить теперь? Воля ваша, изображенная въ отзывяхъ, которыхъ я былъ удостоенъ, не должныли была уполномочить меня дѣйствовать предварительно? Не долженъ-ли я былъ съ удостовѣреніемъ предстать предъ отцевъ семейства, когда я имъ сказать могъ, что желаніе благотворительнѣйшаго Монарха сходитъ съ ихъ желаніемъ— предъ друзей своего края, чувствующихъ въ полной мѣрѣ все его достоинство? Представлю ли вамъ еще, что я не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ блага отечественнаго и выгоды нашей земли, кромѣ славы благороднаго сего общества предъ лицемъ Просвѣщеннѣйшаго изъ Владыкъ земныхъ, поставившаго просвѣщеніе народа одною изъ первыхъ своихъ обязанностей,—славы въ очахъ пространной

Россіи, въ очахъ Европы цѣлой, которая должна свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство Слободской губерніи! Представляю ли вамъ, что я не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество?

Отъ васъ зависитъ теперь, Высокопочтенное Собраніе! оправдать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника.
